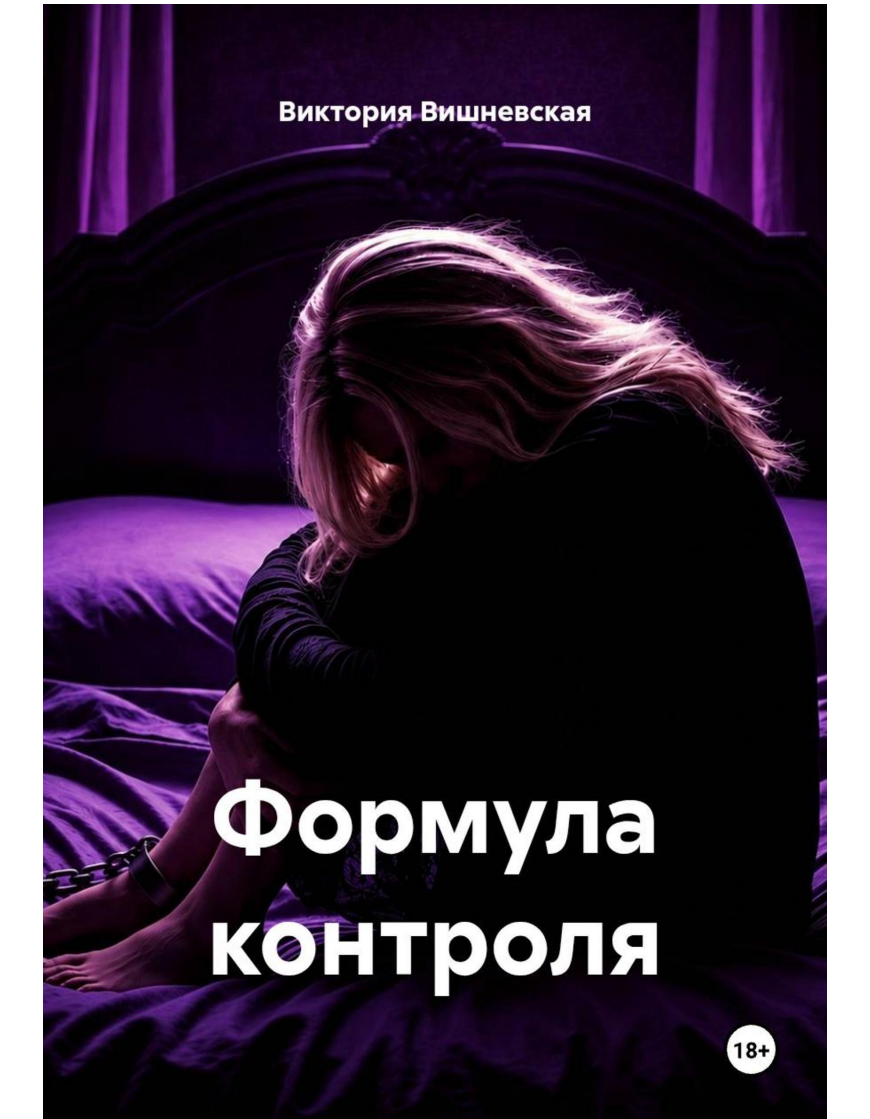

Виктория Вишневская

Формула контроля

18+

Виктория Вишневская

Формула контроля

<https://litres.ru/74233022>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Миром правит тот, кто полностью контролирует себя и окружающих». У гениального архитектора Северина, Константина Соболева, безупречная репутация и безукоризненный план. Никто в городе не знает, что под его роскошным особняком скрывается стерильный, лавандовый кокон. Место, созданное для одной единственной женщины.

Для Весты её прошлая жизнь была лишь серым шумом на фоне вечных дождей. Пресный брак с инженером Августом медленно угасал, пока в один из дождливых дней этот привычный мир не разлетелся на куски. Пробуждение на стальной цепи в подвале Соболева должно было стать началом кошмара. Но у похитителя свои правила. Он пришёл не уничтожить — он пришёл «спасти» её от равнодушия внешнего мира.

«Формула контроля» — леденящий душу психологический триллер о том, как легко разрушить человеческий разум, если предложить ему иллюзию абсолютной любви. Как далеко вы готовы зайти, чтобы защитить тех, кого любите? И что делать, если ваша свобода окажется вашим главным страхом?

Содержание

ГЛАВА 1. Пробуждение в Северине	4
ГЛАВА 2. Слепые зоны Северина	14
ГЛАВА 3. Полтора метра темноты	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Формула контроля

ГЛАВА 1. Пробуждение в Северине

В Северине всегда пахнет солью и мокрой хвоей. Наш дом с Августом стоял на самой окраине, у скалистого обрыва. Каждое утро я смотрела на серое, вечно штормящее море и думала о том, что моя жизнь превратилась в такой же монотонный, глухой шум. Август уходил на работу в порт до рассвета, возвращался затемно, целовал меня в щеку на автомате и утыкался в отчёты. Я была частью интерьера. Уютной, привычной, незаметной Вестой.

Пока в один из дождливых вторников этот интерьер не разбили.

Я помню только тяжёлый шаг за спиной, когда я шла из магазина через старый парк, и резкий запах химикатов, от которого мгновенно потемнело в глазах. Ни крика. Ни борьбы. Только шорох падающих на мокрый асфальт яблок из моего пакета.

Экран монитора слабо мерцал в темноте аппаратной. На видеокамере №3, направленной на кровать, серое шерстяное одеяло пришло в движение.

Девушка зашевелилась. Ее светлые волосы спутались, а на бледном лице застыло выражение глубокой дезориентации.

Она медленно подняла веки, шурясь от мягкого, приглушённого света дизайнерских бра. Комната, в которой она находилась, выглядела безупречно: светлые деревянные панели на стенах, полка с её любимыми книгами Фаулза и Моэма, ковёр с высоким ворсом и даже свежие цветы в вазе. Пахло лавандой и дорогим деревом.

Константин сидел в кресле перед экранами, едва дыша. Он ждал этого момента долгие одиннадцать месяцев. Он знал по секундам, как действует доза снотворного.

На экране девушка попыталась резко встать, спустив ноги с кровати.

В ту же секунду тишину подвала пререзал резкий, оглушительный, металлический лязг. Литой стальной браслет, обтянутый изнутри мягкой кожей, чтобы не повредить её нежную кожу, натянулся. Тяжёлая цепь, уходящая глубоко в бетонную стену, вздрогнула.

Этот звук ударил по барабанным перепонкам хуже грома. Лязг.

Я посмотрела вниз. На моей правой лодыжке красовалось массивное стальное кольцо. От него к стене тянулась толстая звеньевая цепь. Я дёрнула ногой — металл отозвался глухим, безжалостным звоном. На секунду мне показалось, что это глупый, затянувшийся кошмар. Я зажмурилась, сосчитала до трёх, открыла глаза. Но комната не исчезла.

Стильный, дорогой интерьер. И я — на привязи, как со-

бака.

— Август! — мой голос сорвался на хриплый крик. — Помогите! Кто-нибудь!

Я рванулась вперёд, к тяжёлой дубовой двери в конце комнаты. Один шаг, второй, третий... На четвёртом цепь натянулась с такой силой, что я упала лицом на мягкий ковёр. Браслет больно врезался в ногу, несмотря на кожаную подкладку. Страх — липкий, первобытный — затопил горло. Я закричала так громко, как только могла, скребя ногтями по полу.

Дверной замок тихо щелкнул. Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина. Высокий, подтянутый, в идеально отглаженной тёмной рубашке. Его лицо казалось смутно знакомым — возможно, я видела его в кофейне у дома или на набережной Северина. У него были удивительно спокойные, глубокие глаза. В руках он держал поднос, от которого шёл пар. Запах свежей выпечки и черничного чая заполнил комнату. Моего любимого чая.

— Здравствуй, Веста, — негромко, бархатным голосом произнес он. — Не кричи, пожалуйста. Здесь очень толстые стены. Тебя никто не услышит. Я принёс тебе завтрак.

Август. Мой муж. Человек, за чьей широкой спиной я пряталась последние четыре года. Его имя всегда ассоциировалось у меня с теплом, но на деле наш брак напоминал конец лета в Северине — когда солнце ещё светит, но земля

уже остыла. Август работал ведущим инженером на верфи. Он вечно был занят чертежами, доками, сухими расчётами. Когда мы ужинали, он смотрел сквозь меня. Я знала наизусть все его привычки: как он хмурит брови, когда пьёт кофе, как аккуратно складывает рубашки. Я думала, что знаю свою жизнь наперёд.

И вот теперь я лежу на полу, прикованная к стене, а ко мне приближается абсолютно чужой человек, который знает мой любимый черничный чай.

— Вон! — мой голос сорвался на визг. Я резко села, подтянув колени к груди. Цепь глухо звякнула. — Убирайся! Кто ты такой?! Где я? Август... Август тебя убьёт, он найдёт меня!

Мужчина даже не вздрогнул. На его губах появилась мягкая, почти сочувствующая улыбка. Он сделал ещё два спокойных шага. Его туфли бесшумно ступали по дороговому ковру.

— Твой Август сейчас на верфи, Веста, — тихо, как ребёнку, ответил он. — На тринадцатом причале принимают новый сухогруз. У него аварийная ситуация с гидравликой, так что домой он вернётся не раньше полуночи. А когда вернётся и не найдёт тебя... Ну, он подумает, что ты ушла погулять. Или к подруге. Он ведь никогда не контролировал твоё время, верно? Потому что слишком занят собой.

Откуда он это знает? Этот вкрадчивый, ровный тон пугал меня сильнее, чем если бы он кричал или замахнулся. Он

подошёл совсем близко и опустился на корточки в паре шагов от меня, бережно ставя поднос на пол. Запах горячей выпечки ударил в нос, вызвав спазм тошноты.

— Меня зовут Константин, — представился он, глядя мне прямо в глаза. В его зрачках не было злости. Только фанатичный, обожающий блеск. — И тебе не нужно бояться. Я ждал тебя слишком долго, чтобы причинить вред. Здесь ты в полной безопасности.

Прилив дикой, животной ярости перекрыл страх. В безопасности? На цепи?!

Я резко выбросила руку вперёд и со всей силы толкнула тяжёлый фарфоровый поднос.

Горячий черничный чай выплеснулся на светлый ворс ковра, оставляя уродливое тёмно-фиолетовое пятно. Фарфоровая чашка с оглушительным звоном разлетелась на осколки. Тяжёлый заварник покатился в сторону, пачкая белоснежную скатерть. Круассаны разлетелись по полу.

Константин не успел отпрянуть — несколько горячих капель попали ему на тыльную сторону ладони, а подол его идеально отглаженных брюк потемнел от влаги.

Веста тяжело дышала, вжавшись спиной в деревянную панель стены. Её пальцы судорожно сжимались в кулаки, глаза были полны безумной, загнанной ярости. Она ждала удара. Ждала, что он разозлится, схватит её, начнёт кричать.

Но Константин сделал то, чего она никак не ожидала.

Он медленно опустил взгляд на свою испачканную руку. На коже выступило лёгкое покраснение от кипятка. Он не нахмурился. Напротив, он глубоко, размеренно вздохнул, словно успокаивая расшатавшиеся нервы, и снова посмотрел на Весту. В его глазах читалось бесконечное, почти родительское терпение.

— Твой характер — это то, в созерцание чего я влюбился, Веста, — негромко произнёс он, поднимаясь во весь рост. — Ты имеешь полное право злиться. Я уберу здесь. И принесу новый чай.

Он развернулся и пошёл к выходу, аккуратно перешагивая через осколки фарфора. На пороге он остановился, бросив короткий взгляд на стальное кольцо на её лодыжке.

— Цепь длинной ровно четыре с половиной метра, — мягко добавил он. — Тебе хватит, чтобы дойти до ванной комнаты и шкафа с одеждой. Пожалуйста, не пытайся её сорвать. Кожаная подкладка защитит от синяков, но если ты будешь дёргать слишком сильно, ты повредишь сустав. А я очень не хочу, чтобы тебе было больно.

Дверь закрылась, и замок отрезал его шаги. Веста осталась одна в тишине подвала, посреди разлитого черничного чая.

Когда дверь захлопнулась, меня парализовало. Я застыла, уставившись в одну точку — на фиолетовую лужу чая, которая медленно впитывалась в дорогой светлый ковёр. Минуты текли, сливаясь в часы. В подвале не было окон, и я потеряла счёт времени. Дикий, первобытный страх сковал мышцы:

я не могла пошевелиться, боялась даже громко вдохнуть. В голове набатом стучала одна мысль: «Этого не может быть со мной. Я просто Веста. Я живу в Северине. Меня ждёт муж».

Но постепенно оцепенение начало спадать, и на его место пришла злость. Горячая, злая пульсация в висках.

Я никогда не была робкой. В юности я дралась с мальчишками, в порту Северина могла поставить на место любого наглого грузчика. Август любил меня именно за этот стержень — хотя в последнее время этот стержень и заржавел от домашней рутины. Но сейчас он проснулся. Я не собиралась сидеть здесь и послушно пить его черничный чай.

Я осмотрела комнату. Четыре с половиной метра цепи. Хватит, чтобы осмотреться.

Я подошла к шкафу — там висели вещи моего размера, новые, пахнущие магазином. На прикроватной тумбе стояла лампа с тяжёлым мраморным основанием. Отличный снаряд. Но сначала — замок. Я подошла к ванной комнате, нашла там невидимки для волос. Мои пальцы дрожали, когда я опустилась на пол и попыталась засунуть кусок проволоки в замочную скважину браслета на лодыжке. Ничего. Замок был сложным, кастомным, без единого люфта.

Шаги за дверью раздалась внезапно. Замок щелкнул.

Я мгновенно вскочила, пряча невидимку в кулаке. Константин вошёл с чистящими средствами и новым подносом. На нём была уже другая рубашка — свежая, серая. Он улыбался.

— Надеюсь, ты успокоилась, звёздочка? — мягко спросил он.

Я ничего не ответила. Я ждала, пока он подойдёт ближе.

Константин совершил ошибку — он поверил в её минутную покорность. Он поставил новый поднос на тумбочку и наклонился, чтобы собрать осколки фарфора с ковра.

В эту секунду Веста атаковала.

С яростным криком она набросилась на него со спины. Её пальцы мёртвой хваткой вцепились в его аккуратно уложенные волосы, дёргая назад, а второй рукой она попыталась вонзить металлическую невидимку ему в шею. Константин глухо зарычал от неожиданности и боли. Поднос снова полетел на пол.

Веста била его наотмашь, кулаками, навалившись всем телом. Она была как загнанная рысь — дикая, сильная, отчаянная.

— Отпусти меня, тварь! Открой дверь! — кричала она ему в ухо, пытаясь дотянуться до связки ключей на его поясе.

Сначала Константин пытался действовать осторожно. Он перехватил её запястья, уворачиваясь от ударов.

— Веста, прекрати! Перестань, ты сделаешь себе больно! — его голос всё ещё пытался звучать мягко, но в нём уже прорезались опасные, хриплые ноты.

Она не слушала. Она укусила его за ладонь до крови.

И тогда маска идеального джентльмена сорвалась. Терпе-

ние Константина лопнуло. Его лицо исказилось от ярости, а глаза стали абсолютно чёрными. Металлическая забота сменилась чистым насилием.

Одним мощным, резким движением он перехватил её за горло и наотмашь швырнул на кровать. Веста сильно ударилась головой о деревянное изножье, в глазах на секунду вспыхнули искры. Не дав ей опомниться, Константин навалился сверху всем своим весом, придавливая её предплечья к матрасу так сильно, что кости затрещали.

— Хватит! — рявкнул он. Этот голос не имел ничего общего с тем бархатным тоном, которым он говорил минуту назад. Это был рык зверя, у которого попытались отобрать добычу.

Веста дернулась, но он зафиксировал её намертво. Его пальцы сжались на её челюсти, заставляя смотреть прямо на него. Кровь из прокушенной руки Константина капала ей на ключицу.

— Я не хотел этого, Веста, — прошипел он, тяжело дыша ей в лицо. — Я создал для тебя идеальный мир. Я дал тебе свободу в этих стенах. Но если ты не умеешь ценить доброту, мы будем общаться по-другому.

Он резко отпустил её и поднялся. Веста осталась лежать на кровати, хватая ртом воздух, со слезами боли и бессилия на глазах. Её боевой дух не был сломлен, но тело подвело.

Константин подошёл к стене, где крепилась цепь. Достал из кармана небольшой пульт. Нажал кнопку.

Раздался страшный механический гул. Цепь под полом начала натягиваться, укорачиваясь. Она тащила ногу Весты за собой. Браслет безжалостно впился в лодыжку. Дистанция сократилась с четырёх с половиной метров до полутора. Теперь Веста могла дотянуться только до края кровати и тумбочки. Ни ванной, ни шкафа. Полная изоляция внутри изоляции.

Константин поправил порванный воротник рубашки, вытер кровь с ладони платком и посмотрел на неё сверху вниз. В его взгляд вернулась холодная, пугающая вежливость.

— Подумай над своим поведением, Веста. Ванная вернётся, когда ты научишься говорить «спасибо».

Дверь закрылась. В подвале наступила абсолютная, давящая темнота — он выключил свет.

ГЛАВА 2. Слепые зоны Северина

Дождь в Северине не шёл — он висел в воздухе серой, липкой взвесью, от которой одежда становилась тяжёлой уже через пять минут. На тринадцатом причале выл штормовой ветер.

Август стоял у края дока, натянув капюшон брезентовой куртки до самого носа. Его пальцы, перемазанные машинным маслом, судорожно сжимали экран смартфона. Часы на дисплее показывали четыре утра. На экране горели четырнадцать пропущенных вызовов от Киры — лучшей подруги Весты. И ни одного сообщения от самой Весты.

Когда Август вернулся домой в полночь, в квартире было слишком тихо. На кухонном столе лежал недочищенный картофель, а в прихожей стояли её любимые домашние тапочки с мягким мехом. Её куртки не было. Её самой — тоже. Сначала он разозлился. Август устал после двенадцати-часовой смены, у него раскалывалась голова от шума портовых кранов, и меньше всего ему хотелось играть в угадайку. Он набрал её номер — «Аппарат абонента выключен». Подумал, что она ушла к Кире после очередной их мелкой ссоры из-за его вечной занятости. И лёг спать.

Но в три часа ночи Кира сама выбила дверь его квартиры своим яростным стуком.

— Ты вообще в своём уме, Август?! — Кира ворвалась

в допросную комнату портового управления, куда её неохотно пустил дежурный. Её короткие тёмные волосы были мокрыми от дождя, а глаза горели опасным, злым блеском. — Она не берёт трубку со вчерашнего дня! Веста никогда, слышишь, никогда не выключает телефон. Мы должны были встретиться в кофейне на набережной в четыре дня. Она не пришла.

— Кира, успокойся, — Август потёр переносицу, его голос звучал глухо и утомлённо. — Мы поссорились в воскресенье. Возможно, ей просто нужно побыть одной. Она взрослая девочка. Остынет — вернётся.

— Остынет?! — Кира резко шагнула к нему, едва не ткнув пальцем ему в грудь. — Её вещи дома! Её документы дома! Я заставила тебя проверить её ящик. Юбка, что лежит там, была куплена неделю назад, она её обожала. Август, её сумочка валяется в центральном парке за кустами! Мне только что звонил знакомый из патруля — её нашли дворники. Там внутри её кошелёк и ключи от вашего дома. Ты всё ещё думаешь, что она «отдыхает»?!

Август застыл. Хлодный портовый воздух словно застрял у него в горле. Слова Киры разбивали его привычный, удобный мир на мелкие осколки. За кустами? В парке?

— Что говорит полиция? — тихо спросил он, и в его голосе впервые прорезался настоящий, животный страх.

— Полиция Северина? — Кира горько усмехнулась, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Они приняли за-

явление, но сказали ждать три дня. Говорят, «молодая красивая женщина, может, уехала в столицу». Идиоты. Они не будут искать её, Август. В парке нет камер — там старые аллеи, которые три года обещают отремонтировать. Это слепая зона.

Кира повернулась к панорамному окну, за которым шумело чёрное, недружелюбное море Северина. Она знала Весту с детского сада. Веста была скалой. Если Веста пропала — случилось что-то страшное.

— Если они её не ищут, искать будем мы, — жёстко отрезала Кира, оборачиваясь к Августу. — Вспоминай. Кто крутился рядом с ней в последнее время? Кто смотрел на неё на набережной? Нам нужен каждый чертов человек, которого она упоминала за последний месяц.

Август смотрел на свои грязные от мазута руки. Он пытался вспомнить. Но с ужасом понимал, что в последние месяцы он почти не слушал, о чём говорила его жена.

ГЛАВА 3. Полтора метра темноты

Темнота в подвале Константина была живой. Она не просто скрывала предметы — она давила на грудную клетку, заползала в уши глухим, ватным шумом и заставляла сомневаться, открыты ли мои глаза вообще.

Первые несколько часов я кричала. Я сорвала голос так, что теперь в горле стоял привкус крови, а вместо крика вырывалось лишь жалкое, сиплое шипение. Я дёргала ногу, надеясь, что если рвану изо всей силы, то вырву металлический штырь из стены. Результат — содранная в кровь кожа на лодыжке, несмотря на кожаную подкладку браслета, и дикая, пульсирующая боль в суставе. Цепь держала намертво. Полтора метра.

Мой мир сжался до размеров двуспальной кровати и узкой полоски ковра рядом с ней.

Я сидела на полу, прижавшись спиной к матрасу, и обнимала свои колени. Самым страшным оказалась тишина. В ней мой собственный мозг начал играть со мной в злые игры. Мне казалось, что я слышу, как в углах кто-то ходит. Пару раз я испуганно вскрикивала, думая, что по моей руке ползёт паук, но это были лишь мои собственные растрёпанные волосы.

Чтобы не сойти с ума, я думала об Августе.

«Он уже пришёл домой. Он увидел багровые пятна на ас-

фальте в парке... Нет, дождь их смысл. Он увидел, что меня нет. Он звонит в полицию. Кира уже подняла всех на уши, она точно знает, что я бы не ушла просто так».

Я цеплялась за образ мужа, как за спасательный круг. Вспоминала его сильные руки, его спокойный голос. Но подсознание предательски подсовывало другие воспоминания. Как в прошлый вторник я пыталась рассказать ему, что видела красивую радугу над морем, а он, не отрываясь от чертежей, буркнул: «Да, Вест, здорово, подай соль, пожалуйста». Как мы не разговаривали неделями, просто существуя в одной коробке.

«Он не заметит. Он слишком занят», — прошептал внутри меня чужой, вкрадчивый голос. Голос Константина.

Я зажмурилась, мотая коленями из стороны в сторону. Металл цепи отозвался тихим, сиротливым звоном.

Времени больше не существовало. Сколько я здесь? Сутки? Два дня? Желудок сводило от голодной судороги, но сильнее всего мучила жажда. Губы потрескались, язык казался сухим куском наждачной бумаги. Я знала, что в паре метров от меня, на тумбочке, остался поднос. Наощупь, на коленях, волоча за собой звенящее железо, я доползла до угла кровати.

Пальцы наткнулись на перевёрнутый поднос. Всё разлито. Всё смешалось с ворсом ковра. Я нашла лишь один уцелевший кусочек круассана, испачканный в чае и пыли. Былая, гордая Веста брезгливо выбросила бы его.

Нынешняя Веста, плача от унижения в абсолютной темноте, засунула этот грязный кусок в рот и судорожно разжевала, давясь сухими крошками.

В этот момент внутри меня что-то треснуло. Мой внутренний стержень, мой боевой дух, которым я так гордилась, не сломался — он начал медленно гнуться под тяжестью этих полутора метров стальной цепи. Я поняла, что если Константин не вернётся, я просто умру здесь, в этой темноте, от жажды. Моя жизнь теперь полностью, абсолютно зависела от человека, который запер меня.

Когда над головой раздался едва слышный, далёкий щелчок дверного замка, я не вскочила. Я не сжала кулаки.

Я замерла, вглядываясь в темноту, и поймала себя на ужасной, дикой мысли: я ждала его. Я ждала своего похитителя, потому что только он мог принести мне глоток воды и вернуть свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.